

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

повествующая о том, как Будда создал священные каноны с изложением высшего блаженства, а также о том, как бодисатва Гуанинь получила указание отправиться в Чанъань

Обратимся нынче

Мы с вопросом к Будде:

Тщетно суеются

В этом мире люди.

Никакого толку

Нет от их старанья:

Так беречь возможно

Снег для пропитанья,

Кирпичу простому

Блеск давать зеркальный...

Сколько лет пропало

Пусто и печально!

Изваянье Будды

Только улыбнется,

Если выпить море

Кто-нибудь возьмется,

Или кто Сумеру

Сдвинуть пожелает:

Счастлив тот, кто эту

Мудрость понимает.

Три пройдет извечных

Десяти ступеней,

Будет он свободен

От перерождений.

Где зарю не встретят
Крики козодоя,
Цао-си струится
Мертвою водою.
И Цзю-Лин взмывает
Ввысь за облаками...
Здесь не будет встречи
С прежними друзьями.
Здесь лишь водопадов
Грозное паденье,
Пятилепестковых
Лотосов цветенье.
Высятся на скалах
Древние палаты;
Сквозь завесу двери
Льются ароматы.
Три драконьих клада
Там открыты знанью;
Люди постигают
Тайны мирозданья.

Стихи эти написаны в стиле Су-у-мань. А теперь вернемся к Будде. Распростившись с Нефритовым императором, он возвратился в храм Раскатов грома. И тут пред ним предстали три тысячи Будд, пятьсот архатов, восемь огромных богов — хранителей ворот и великое множество бодисатв. Все они со знаменами и хоругвями в руках, возжигая божественные благовония, рядами выстроились у границ священной горы и под священными деревьями Сала, чтобы достойным образом встретить Будду. Остановив свое священное облако, Будда обратился к собравшимся с такой речью:

— Благодаря глубокой мудрости, я познал три мира существования — мир желаний, мир формы и мир бесформенности. По природе своей человек подвержен полному уничтожению. Все в мире — суета сует, все тщетно. Я употребил все свое умение, чтобы усмирить лукавую обезьяну, но она этого не поняла. Когда приходит слава, наступает смерть. Таковы священные законы Будды. Когда Будда умолк, вспыхнула радуга, ее разноцветные лучи осветили все небо

и разошлись по сорока двум направлениям, соединив юг и север. При виде этой картины все присутствующие почтительно приветствовали Будду. Немного погодя он собрал чудесные разноцветные облака и туман и, поднявшись к высшим ярусам своего обиталища, уселся там. Тогда три тысячи будд, пятьсот архатов, восемь богов — хранителей ворот и четыре бодисатвы, сложив ладони рук, склонились перед Буддой и обратились к нему с вопросом:

— Кто же это посмел учинить беспорядки на небе и расстроить Персиковый пир?

— Это сделала волшебная обезьяна, которую породила Гора цветов и плодов, — отвечал им Будда. — Злодеяния, совершенные ею, столь велики, что даже описать невозможно. Никто из небесных военачальников не мог усмирить волшебную обезьяну. Эрлану, правда, посчастливилось поймать ее, а Лао-цзюнь даже под жаривал ее на огне, но обезьяна оставалась невредима. И вот, когда я прибыл туда, обезьяна-волшебник, несмотря на то что ее окружили божества Грома, пустила в ход всю свою силу и искусство, хвастаясь своим волшебством. Когда я приказал прекратить бой и спросил волшебника, откуда он взялся, — он ответил, что постиг истину, а также законы превращений, может летать на облаках и одним прыжком преодолеть расстояние в сто восемь тысяч ли. Я заключил с ним пари. Однако выпрыгнуть за ладонь моей руки он не смог, тогда я схватил его и, придавив рукой, превратил свои пять пальцев в гору Усиншань, под которую и упрятал волшебника. Желая отблагодарить меня, Нефритовый император отворил небесные чертоги и устроил пир, который получил название Пира успокоения неба, а также оказал мне всяческие почести. Лишь после этого я смог распрощаться с ним и вернуться сюда.

Все небожители с неописуемым восторгом выслушали рассказ Будды и, поблагодарив его, разошлись каждый по своим делам, наслаждаясь предоставленными им природными дарами.

Над Индией разлился аромат,

И радугами Будда был подъят.

На Западе верховный он властитель

И несравненный мудрости учитель.

Там фениксы танцуют на цветах;

Бессмертье — дар священных черепах.

Плоды несут смиренно обезьяны,

Олень и лось — цветущие лианы;

Пророчат людям счастье журавли

И безмятежна чистота земли;

Растенья той страны в цветенье дивном,

Плоды же — в созреванье непрерывном.

И самосозерцанья верный путь
Дает возможность истину вернуть;
Для праведных, прошедших очищение,
И в небесах свободное движение,
Зной не томит и холод не гнетет.
И времени там не ведется счет.
Здесь свободно ходят в облаках,
Не смущают ни печаль, ни страх,
Здесь, в раю, всегда простор и свет,
Для счастливых времени здесь нет.

Однажды Будда, пребывавший на священной горе, в храме Раскатов грома, собрал всех будд, архатов, бодисатв, бегов — хранителей ворот, странствующих монахов-бикшу и монашек и других небожителей и обратился к ним с такими словами:

— Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как я усмирил строптивую обезьяну и на небе воцарилось спокойствие. Полагаю, что по земному исчислению уже половина тысячелетия. Сейчас как раз наступил первый месяц осени. У меня есть драгоценные вазы со всевозможными цветами и редкими чудесными фруктами. Что вы скажете, если я отдам все это для пира, который хочу устроить во имя спасения бесприютных душ.

При этих словах все присутствующие сложили ладони рук и почтительно склонились перед Буддой, благодаря его за милости. И вот Будда велел своим ученикам Ананде и Касьяпе взять вазы с цветами и фруктами и преподнести небожителям. Глубоко тронутые оказанным им вниманием, небожители в знак благодарности сложили следующие стихи:

СТИХИ О СЧАСТЬИ

Перед Буддой вечно светит
Счастья яркая звезда,
И да будет это счастье
Неизменным навсегда.
Добродетель и блаженство
Беспредельны и вечны,
Предназначены судьбою,

Небесами нам даны.

Урожай земли счастливой

Возрастает каждый год.

И в бездонном море счастья

Глубина его растет

Полнятся земля и небо

Счастьем чистым и святым,

Подавая людям радость,

Покровительствуя им.

СТИХИ О БЛАГОПОЛУЧИИ

Благополучье высится горой,

Где феникс дивный распевает песни,

Оно и процветает и растет,

И вечно живо, становясь чудесней.

Здоровье ваше укрепит оно,

И вы способствуете миру в мире.

Благополучье ваше велико,

И равно небесам и моря шире.

Благополучья все желают вам,

Нет для него ни меры, ни границы,

Благополучье всюду на земле

Желается, и ценится, и чтится.

СТИХИ О ДОЛГОЛЕТИИ

Дух звезды долголетия

Подносит дары,

Принимает их Будда;

Долголетье само

Начинается в мире
Отсюда.
И блистает,
Неся долголетия плоды,
Драгоценное блюдо.
Трон великого Будды
Цветы долголетия обвили,
И стихи красоте долголетия
Поэты сложили,
Долголетию песни
Блаженство в душе пробудили.
Как луна и как солнце,
И жизнь на земле бесконечна.
Долголетье, как море и горы,
Продолжится вечно.
И оно еще дальше,
Не зная пределов,
Продлится,
Потому что бессмертию
Нет во вселенной
Границы.

И вот, после того как бодисатвы прочли свои подношения, Будда, по просьбе учеников, изложил основы и истоки своего учения и дал толкование священным буддийским книгам.

И вы только посмотрите:

Небесными драконами он окружен.

Падают цветы разноцветным дождем.

И поистине:

Сердце Будды светило,

Как луна над вселенной;

Существо его — небо

В чистоте неизменной.

Окончив проповедь, Будда сказал своим ученикам:

— Я познакомился с жителями четырех стран света и установил, что они по своему характеру совершенно различны. Жители восточного континента — почтительны, миролюбивы и жизнерадостны. Люди, населяющие северный континент, жестоки и воинственны, — но такими сделали их условия жизни. Они недалеки, угрюмы и апатичны, однако особого вреда причинить не могут. На нашем, западном, континенте нет ни жадности, ни убийств. Мы воспитываем в себе жизненную энергию и накапливаем духовные силы. Высшего совершенства мы еще не достигли, однако все у нас достигли долголетия. А вот в Джамбудвипа, на южном континенте, народ жаден, похотлив и склонен к преступлениям. Эти люди любят побоища и драки. У них процветают ссоры и сплетни, они утопают в море лжи и злобы. Но у меня есть священное писание, которое помогло бы изменить нравы этих людей.

Тут бодисатвы с благоговением преклонили колена и спросили:

— Что же это за священное писание?

— В одной книге, посвященной буддизму — Винайя — рассказывается о небе, — отвечал Будда. — Вторая книга — Трактаты, там говорится о земле. И третья книга — Сутра, в которой говорится о злых демонах. Эти книги состоят из тридцати пяти частей и составляют пятнадцать тысяч сто сорок четыре тома. Они помогают людям совершенствоваться и указывают истинный путь. Мне хотелось бы послать эти книги людям восточного континента. Однако жители земли — народ недалекий, они, пожалуй, станут глумиться над истинным учением, не поймут главного в моем законе и не оценят правильного учения йогов. Если бы нашелся мудрый небожитель, который отправился бы в Китай и отыскал там верующего человека, а этот человек смог бы проделать длиннейший путь через горы и реки и прибыть сюда за книгами, я передал бы ему священное писание, чтобы он увез его в Китай и с его помощью изменял сердца людей. Подобное деяние можно было бы счесть огромным благом. Кто из вас согласится отправиться в Китай?

Не успел Будда договорить, как к лotosовому трону приблизилась бодисатва Гуаньинь. Трижды поклонившись Будде, она произнесла:

— Несмотря на скромные способности, которыми я обладаю, я хотела бы отправиться в Восточную землю и отыскать человека, который явился бы сюда за священными книгами.

Тут все небожители подняли голову и увидели стоявшую перед ними бодисатву Гуаньинь.

Являла, светлой мудрости полна,
Четыре добродетели она;
Была, как золотое изваянье, —
На нежной шее жемчуга блистанье,
Прическа, словно свившийся дракон,
А волосы, как в тучах небосклон.
Из тюля сделан воротник открытый,
Пошел на юбку лучший бархат рытый,
А золотой изящный поясок —
На счастье бодисатвы был намек
Ее лицо сияло белизною,
Краснели губы точкою одною,
Прекрасный взор ее горел звездой,
А брови, словно месяц молодой,
Казалось, изгибались прихотливо.
Неувядающие ветви ивы
Она в сосуде золотом несла
Роса в нем благодатная была.
Она в ответ на каждое моление
С любовью посылает облегченье,
Ей молится с надеждою народ,
Она от всяких бед его спасет,
И, как гора Тайшань, она надежна.
И потому довериться ей можно.
Она живет у южных берегов
И чутким сердцем слышит каждый зов.

Лиловая довольна орхидея,
Когда бамбук прекрасно лиловеет, —
Так добрый человек другому рад,
Так радостен цветенья аромат.
Добра — как Лоцзяшань — гора святыни,
Та бодисатва из пещеры Чаоиня.

— Вы, пожалуй, лучше всех справитесь с этим поручением, — взглянув на нее, восторженно промолвил Будда. — Ваша святость и необычайные дарования помогут вам с успехом завершить это дело.

— Может быть, вы дадите мне какие-нибудь наставления или указания, перед тем как я отправлюсь в дорогу? — спросила бодисатва Гуаньинь.

— Необходимо изучить путь, которым вы будете следовать, — сказал Будда. — Поэтому вы не должны лететь на самых высоких облаках, летите на средних облаках или на тумане. Исследуйте горы и реки, которые попадутся вам в пути. Запомните количество остановок и расстояния между ними. Все это необходимо будет сообщить искателю священных книг. Пусть он твердо верит в свое дело, путь предстоит ему тяжелый. Поэтому я дам вам пять талисманов, — и он тут же приказал Ананде и Касьяпе принести вышитую парчой рясу и посох священнослужителя с девятью кольцами. Передавая эти вещи бодисатве, Будда сказал:

— Рясу и посох передайте искателю священных книг, отныне они принадлежат ему. Если он примет твердое решение приехать сюда, пусть наденет эту рясу, и он навсегда будет избавлен от земных перевоплощений. А этот посох избавит его от всяких бедствий.

Бодисатва Гуаньинь почтительно приняла переданные ей вещи, после чего Будда вынул три обруча и, передавая их бодисатве, молвил:

— Эти амулеты называются: «сжимающие обручи». По виду все они одинаковы, но каждый из них имеет свое назначение и свое заклинание. Если паломник встретит на своем пути какого-нибудь демона, обладающего сверхъестественной силой, то вы должны направить этого демона на путь Истины и обратить его в ученика паломника. Если же демон не пожелает сразу подчиниться, тогда этот обруч следует надеть ему на голову и произнести соответствующее заклинание. После этого глаза демона полезут из орбит, ему покажется, что от боли у него разрываются мозги, и тогда будет совсем легко обратить его в нашу веру.

Выслушав наставление, бодисатва почтительно поклонилась и, приказав своему ученику Хуэй-аню следовать за ней, ушла. Хуэй-ань захватил с собой огромный железный посох весом в тысячу цзиней, так как должен был неотлучно находиться около бодисатвы в качестве телохранителя и умирять встречающихся демонов. Бодисатва увязала рясу, велела своему ученику нести узел на спине, затем, спрятав обручи, взяла посох и вместе с Хуэй-анем

спустилась со священной горы.

И как будто самой судьбой было предопределено, чтобы ревностный последователь учения Будды Танский монах, стремящийся найти путь к Истине, достиг своей цели.

Очутившись у подножия горы, бодисатва и ее ученик увидели скит, в котором жил великий отшельник. Святой преградил бодисатве дорогу и умолял ее остановиться — он хотел преподнести путнице чай. Однако бодисатва не пожелала долго задерживаться.

— Будда велел нам отправиться в Восточную землю, — сказала она праведнику, — и найти человека, который явился бы в нашу страну за священными книгами.

— А когда должен прибыть этот паломник? — поинтересовался отшельник.

— Точно сказать нельзя, но думаю, что через два-три года он доберется сюда, — ответила бодисатва.

После этого наши путники распростились с бессмертным. Летя не очень высоко в небе, они отправились в путь, отмечая и запоминая дорогу, по которой им пришлось следовать.

И вот, продвигаясь вперед, бодисатва и ее ученик увидели устье реки Жошуй, впадающей в реку Сыпучих песков.

— Ученик мой, — молвила Гуаньинь, — это место очень трудно перейти. А ведь паломник, который отправится за священными книгами, будет простым смертным. Как же он переправится здесь?

— Бодисатва, взгляните, большая ли это река? — спросил Хуэй-ань.

Остановив полет своего облака, Гуаньинь посмотрела вокруг. Что же она увидела?

С востока на запад река уходила,

Где есть дикарей племена;

На юге У-гэ достигала, на север

К татарам склонялась она.

Длиною на тысячи ли, шириною

Казалась на ли восемьсот;

Не мог бы проплыть по волнам и порогам

Самих небожителей плот

Гремела река на больших перекатах

И за десять слышалась ли,

И волны вставали, как темные горы,

Казалось, из лона земли.

И грохот стоял

На речном перекате;

В заливе носилась

Трава на закате.

Облака были желты

И тени бросали на солнце.

И плотины безмерность

Эта желтая мгла омрачала;

Разве мог бы сюда

Продавец забрести для торговли,

Разве мог бы рыбак

Здесь найти уголок для причала?

На песчаной равнине

И стаи гусей не спускались.

Только крик обезьян

За рекой раздавался, как стоны.

Можно было узнать это место

По красной осоке,

Да вода была в заводи

Ряской покрыта зеленой.

Но в этот момент вдруг раздался сильный всплеск и из бушующих волн выскочило отвратительное чудовище.

Он как будто черный и не черный,
Синий и не синий;
Сумрачная морда,
Словно он в тревоге,
Длинный и не длинный,
И большой и малый,
Страшный, босоногий
А глаза пылали,
Пламенели жарко,
В очагах пылают
Пламень этот яркий.
Пасть была подобна
Мясника лохани
А клыки мечами
Острыми торчали,
Он метался в гневе,
В яростном тумане,
И раскаты грома
В реве грохотали,
Рыжий и лохматый,
И смерчу подобный,
Вызывал на битву
И рычал он злобно.

С посохом в руках чудовище выскочило на берег и ринулось на бодисатву. Однако находившийся рядом Хуэй-ань своим железным посохом преградил путь чудовищу и крикнул: «Стой!» Тут чудовище бросилось на Хуэй-аня, и между ними на берегу реки Сыпучих песков завязался страшный бой.

Муча

Железным посохом своим
Учение защищал
И был непобедим.
А посох духа
Злобной силой чар
Мог нанести
Решающий удар.
Казалось, два
Серебряных удава
Свиваются
И грозно и лукаво.
Так два монаха
Бились у реки.
Обоих силы
Были велики
Один подобен был
Пескам зыбучим;
Другой же — Гуаньинь
Защитник был могучий.
Один вздымал волну
Из лона вод;
Другой же тучи гнал
На небосвод.
От возмущенных волн
По всей вселенной
Распространялся сумрак
Постепенно.
От облаков

И мутного тумана
И солнце и луна
Мрачнели странно.
И посох одного,
Как тигр, был разъярен.
Другого посох был,
Как дремлющий дракон.
Так, посохи взметнув,
Шли оба в наступленье,
Чтоб насмерть поразить
Противника в сраженье.
И до ночи они
Борьбы не прекращали,
Но вот спустился мрак,
И звезды заблистали.
Один был той реки
Исконный обладатель,
Другой — священных гор
Отважный обитатель.

Уже несколько десятков раз сходились друг с другом противники, но так и нельзя было сказать, на чьей стороне перевес. Вдруг чудовище остановилось и, поставив на землю железный посох, крикнуло:

— Ты откуда взялся, монах, и как смеешь сопротивляться мне?!

— Я принц Мокша, второй сын Вайсраваны, а монашеское имя мое Хуэй-ань, — отвечал тот. — Я охраняю моего учителя, направ ляющегося в Восточную землю разыскать человека, который был бы достоин отправиться за священными книгами. А ты что за чудовище и как смеешь преграждать нам путь?

— Так вот оно что! — воскликнуло чудовище. — Теперь я припоминаю, что видел тебя в пурпурной бамбуковой роще Гуаньинь на Южном море, ты занимался

самоусовершенствованием. Как же ты попал сюда?

— Да разве ты не видишь, что на берегу стоит сама бодисатва — мой учитель? — спросил в свою очередь Хуэй-ань.

Услышав это, чудовище в ответ лишь застонало и, отдавшись в руки Мокше, позволило отвести себя к Гуаньинь.

— Смилуйся надо мной, бодисатва, — взвыло чудовище, склонившись перед Гуаньинь. — Разреши слово молвить. Я вовсе не чудовище, я главный полководец Дворца священного небосвода. Прежде я прислуживал Нефритовому императору вовремя его поездок на колеснице фениксов. И вот на Персиковом пиру со мной случилось несчастье: я разбил хрустальную вазу. По приказу императора я получил восемьсот ударов палками и был отправлен в нижний мир и превращен в чудовище. Но это еще не все. Каждые семь дней здесь появляется летающий меч, который более ста раз пронзает мне грудь и бока. Вот какие беды приходится мне переносить! Я страдаю от голода и холода, поэтому раз в несколько дней выхожу из воды и подкарауливаю какого-нибудь путника, он и служит мне едой. И вот сегодня, по своему неведению, я сам, не желая того, напал на вас, милосердная бодисатва.

— За совершенные на небе преступления ты изгнан в нижний мир, — сказала бодисатва. — А сейчас еще осмеливаешься губить живые существа, ведь этим ты усугубляешь свою вину. По велению Будды я направляюсь в Восточную землю для того, чтобы найти человека, готового отправиться на поиски священных книг. Почему бы тебе не присоединиться к нам и не вступить на путь добродетели? Ты мог бы стать учеником искателя священного писания и вместе с ним отправиться в Индию к Будде за священными книгами. Я же сделаю так, чтобы летающий меч больше не мучил тебя. Успешно завершив дело, ты искупишь свою вину и будешь восстановлен в прежней должности. Что скажешь ты на это?

— Я бы очень желал встать на истинный путь, — отвечало чудовище. — Но, милосердная бодисатва, вот что я должен сказать тебе: за время своего пребывания здесь я поел огромное количество людей, в том числе и паломников, которые отправлялись на поиски священных книг. Головы съеденных мною людей я бросал в реку Сыпучих песков, и все они погружались на дно. Эта река отличается тем, что на поверхности ее воды не может продержаться даже пушинка. Однако черепа девяти паломников не пошли ко дну и продолжают плавать на поверхности. Подобное явление мне показалось необычайным. Я нанизал эти черепа на веревку и забавлялся ими в часы досуга. И вот я опасаюсь, что паломники за книгами уже больше не пойдут этим путем, а тогда мои надежды на лучшее будущее не оправдаются.

— Не может этого быть, — успокоила чудовище бодисатва. — Ты возьми эти черепа и повесь их себе на шею. А когда прибудет паломник, для них найдется применение.

— Ну, в таком случае, — сказала тогда чудовище, — я с большой охотой дам обет.

И вот бодисатва возложила на чудовище руки, сообщила ему заповеди и дала имя Ша У-цзин — Песчаный монах; так чудовище приняло монашеский постриг. Проводив бодисатву через реку,

новоявленный монах всего себя посвятил раскаянию и очищению от грехов. Он не загубил больше ни одной жизни и с нетерпением ожидал прибытия паломника за священными книгами.

А бодисатва, расставшись с чудовищем, вместе с Мокшей продолжала путь, стремясь поскорее добраться до Восточной земли. Они проделали уже довольно большой путь, как вдруг увидели перед собой высокую гору. Сверху донизу гора эта была окутана каким-то отвратительным смрадным чадом, который мешал подниматься на гору. И вот, в тот момент, когда бодисатва и ее ученик хотели подняться на своих облаках и перевалить через гору, неожиданно забушевал ураган и перед ними появилось отвратительное, свирепое на вид чудовище.

Чудовище сморщило губы,
Как лотоса вялые листья,
И хлопали длинные уши,
Как будто бы веер работал.
И золотом очи блистали,
Клыки были остры, как шило,
Огромная пасть раскрывалась,
Подобно кузнечной жаровне;
А шлем золотой и забрало
Держались надежно и плотно.
Тугой облегающий панцирь
Похож был на кожу удава:
Чудовище грабли держало,
Подобные лапе дракона,
И лук на его пояснице,
Как месяца серп, изгибался.
Чудовище это металось,
Волнение и злобу являя.
Желая в бою повстречаться
С планеты Му-син властелином.
Оно было духом отважным,

В своей дерзновенной гордыне,
Готовым к отчаянной схватке
Со всею небесною силой.

Чудовище ринулось на бодисатву и, взмахнув своими граблями, собралось нанести ей удар.
Однако Мокша отразил этот удар и грозно крикнул:

— Ах ты грязная тварь! Не смей безобразничать! Вот испробуй-ка мой посох!

— Тебе что же, поганный монах, жизнь надоела, что ли?! Ну, так познакомься с моими граблями!

И вот у подножия горы завязался ожесточенный бой.

Чудовище свирепость проявляло,
Но Хуэй-аня все ж не испугало.
Железный посох был непревзойден,
Но граблями удар был отражен;
И долго над высокими горами
Вздыхалась пыль огромными столбами,
Летели камни, — в черных небесах
На демонов напал великий страх.
Один боец — Мокша — был небожитель;
Его отец небесный был властитель.
Другой же — был прославленный герой,
Он много лет придавлен был горой;
А тот силен в буддийском был законе,
И вот они сошлись на горном склоне.
Кто верх возьмет — нельзя предугадать,
Кто будет бит?
Кто сможет устоять?

И вот в самый разгар сражения Гуаньинь, следившая за всем, что происходило внизу, бросила цветок лотоса, который упал как раз между вилами и посохом. Цветок этот привел чудовище в неописуемое удивление.

— Да ты откуда взялся, поганый монах, что осмеливаешься еще выкидывать со мной всякие штуки?

— Вот я тебе покажу, ничтожная тварь! — крикнул Мокша. — Я ученик бодисатвы Южного моря! Как же ты не понимаешь, что этот цветок бросила сама богиня?

— О ком это ты говоришь? — изумилось чудовище. — О всемилостивой бодисатве Гуаньинь, избавляющей от трех бедствий и восьми несчастий?

— О ком же еще мог я говорить?! — воскликнул Хуэй-ань.

Тут чудовище швырнуло наземь свои грабли и, склонившись до земли, молвило:

— Дорогой брат! А где же сейчас бодисатва? Умоляю тебя, проводи меня к ней.

— Да вот же она! — отвечал Мокша, указывая вверх.

Тут чудовище снова поклонилось до земли и, глядя вверх, громко запричитало:

— Смилуйся надо мной, бодисатва!

В это время Гуаньинь спустилась на своем облаке и, приблизившись к ним, сказала:

— Ты кто, кабан или старая свинья, и где применяешь свое колдовство? Как смеешь ты преграждать мне путь?

— Да я вовсе и не кабан и не старая свинья. Я был небесным полководцем на Млечном Пути. Однажды я немного выпил и пошутил с богиней луны. За это Нефритовый император приказал всыпать мне две тысячи ударов и изгнать на землю. И вот, когда настал срок моего перерождения, мне пришлось драться, чтобы воплотиться в какое-нибудь существо. К несчастью, я по ошибке попал к свинье в брюхо. Вот поэтому я и приобрел подобный вид. Свинью-матку я загрыз, перебил много поросят. И после этого обосновался здесь. Живу я тем, что пожираю людей. Но на тебя, бодисатва, я не думал нападать. Смилуйся надо мной!

— А как называется эта гора? — поинтересовалась бодисатва.

— Это Гора счастья, — отвечало чудовище. — В горе есть пещера, которая называется Пещера

облаков. В этой пещере раньше жила Луань Эр-цзе. Когда она убедилась в том, что я искусный воин, она сделала меня своим хозяином и назвала зятем. Но не прошло и года, как она умерла и все имущество пещеры перешло ко мне. Живу я тем, что ловлю путников и пожираю их. Умоляю тебя, бодисатва, простить мои прегрешения!

— Еще древние люди говорили, — молвила бодисатва:—«Если хочешь своего спасения, не делай того, что этому мешает». Ты нарушил законы Неба, но вместо того чтобы покаяться в своих грехах, ты продолжаешь творить зло, пожирая людей. Неужели ты думаешь, что своим поведением не заслужишь еще большего наказания?

— Да разве могу я думать о спасении?! — гневно воскликнуло чудовище. — Последуй я твоему совету, мне придется одним ветром питаться. Не зря существует поговорка: «Если придерживаться законов, установленных властями, — забьют до смерти, если же следовать законам Будды — помрешь с голоду». Иди-ка ты лучше своей дорогой! А я по-прежнему буду ловить одиноких путников и наедаться досыта. Все равно, семь бед — один ответ.

— «Небо помогает людям с добрыми намерениями», — гласит пословица, — отвечала на это бодисатва. — Если захочешь вступить на путь Истины, то можешь не сомневаться, что у тебя всегда будет пища. На земле растет много хлебов, которыми можно утолить голод. Зачем же питаться человеческим мясом?

Слова бодисатвы как будто пробудили чудовище от сна.

— Да, я хотел бы исправиться, но ведь не зря же существует пословица о том, что: «Тому, кто совершил преступление против неба, не помогут никакие молитвы».

— Сейчас я по велению Будды следую в Китай, чтобы найти паломника за священными книгами. И вот если бы ты стал учеником этого паломника, то смог бы отправиться вместе с ним в Индию и искупить все свои грехи. Тогда, ручаюсь тебе, ты избавился бы от всех бедствий.

— Я всеми силами желаю этого! — несколько раз повторило чудовище.

Тогда бодисатва возложила на его голову руки, и чудовище приняло постриг, получив монашескую фамилию Чжу — свинья, а полное имя — Чжу У-нэн — Свинья, постигающая человеческие способности. Ему было велено встать на путь Истины, дать зарок не употреблять запретной пищи и ждать прибытия паломника, который отправится за священными книгами.

После этого бодисатва и Мокша простились с Чжу У-нэном и, поднявшись на невысокие облака и туман, продолжали свой путь. Вдруг они услышали зов Нефритового дракона. Приблизившись к нему, бодисатва спросила

— Откуда ты взялся, дракон? И за какие грехи находишься здесь?

— Я сын Царя драконов Западного океана Ао Жуна, — отвечал тот. — По моей вине во дворце произошел пожар и сгорело мно- го драгоценностей. Мой отец в донесении небесному суду обвинил меня в непокорности. Тогда Нефритовый император велел дать мне триста ударов и подвесить на небе. На днях меня казнят. Ми- лостивая бодисатва, помоги мне, спаси меня!

Выслушав его, Гуаньинь и Мокша тотчас же поднялись к Южным воротам неба, где их встретили небесные наставники Цю и Чжан.

— Куда путь держите? — спросили они.

— Мне хотелось бы повидать Нефритового императора, — отвечала бодисатва.

Наставники поспешили доложить о прибытии бодисатвы, и Нефритовый император вышел из дворца встретить ее. Прибли- зившись к императору и воздав ему соответствующие почести, бодисатва сказала:

— По велению Будды я направляюсь в Китай, чтобы найти паломника, который отправился бы за священными книгами. И вот по дороге мы встретили подвешенного в небе дракона. Я пришла просить вас помиловать его и передать мне. Пусть он сопровождает паломника за священными книгами.

Выслушав бодисатву, Нефритовый император тотчас же отдал приказ о помиловании дракона и послал небесных командиров привести преступника и передать его в распоряжение бодисатвы. Поблагодарив императора за оказанную милость, бодисатва удалилась. Молодой дракон принес глубокую благодарность за спасение и выразил свою готовность служить бодисатве. Бодисатва же приказала дракону спуститься в глубокую реку и там ожидать прихода паломника. После этого дракон должен превратиться в белого коня и искупить свою вину верной службой. Получив приказ, дракон тотчас же исчез, и говорить о нем мы больше не будем.

Миновав гору, бодисатва с Мокшей продолжали свой путь. Но не успели они пройти и нескольких ли, как перед ними блеснули расходящиеся во все стороны золотистые лучи, и воздух наполнился чудесным ароматом.

— Учитель, — промолвил Мокша, — эти лучи исходят с Горы пяти элементов, на которой я вижу печать Будды.

— Не под этой ли горой заключен Великий Мудрец, равный небу, который расстроил Персиковый пир и учинил неслыханный дебош в небесных чертогах? — спросила бодисатва.

— Именно под этой, — подтвердил Мокша. Поднявшись на гору, они увидели там печать и на ней четыре священных слова: «Ом мани падме хум». Тяжело вздыхая, бодисатва сложила такие стихи:

Печально узнать, что волшебная та обезьяна
И доблестью и безрассудством была знаменита,
Законов не чтит, нарушила пира уставы,
Бесчинство она учинила в чертоге Тушита.
Сто тысяч небесного войска она одолела,
Во всех девяти небесах вызывала смятенье,
И только наш Будда смирил ее властью священной,
В неволе она — и дождется ли освобожденья?

Разговор бодисатвы с Хуэй-анем растревожил Великого Муд- реца.

— Кто это там, на горе, читает стихи о совершенных мной проступках?! — громко крикнул он.

Услышав это, Гуаньинь спустилась с горы и пошла на голос. Под горой она увидела местных земных и горных духов, а также стража-хранителя, стороживших Великого Мудреца. Они собрались, чтобы приветствовать ее. Дух-страж провел бодисатву к тому месту горы, где была упрятана обезьяна. Преступник находился в каменном ящике и хотя мог говорить, но не в состоянии был шевельнуть ни рукой, ни ногой.

— Ну как, Сунь У-кун, узнаешь ты меня? — спросила бодисатва.

Великий Мудрец широко раскрыл свои огненные глаза и, кивнув головой, громко крикнул:

— Да как же мне не узнать тебя?! Ты — милосердная спасительница от всех бедствий, бодисатва Гуаньинь с острова Поталака. Очень благодарен тебе за внимание. Сюда, где день тянется, словно год, никто из моих друзей и знакомых не пришел навестить меня. Откуда же ты явилась?

— По велению Будды я направляюсь в Китай, чтобы отыскать паломника, который отправится за священными книгами, — отвечала Гуаньинь. — А так как эта гора лежит на нашем пути, то я и решила задержаться и навестить тебя.

— Будда одурачил меня, — пожаловался Великий Мудрец, — прошло уже более пятисот лет с тех пор, как он заключил меня под этой горой, где я не могу даже шевельнуться. Умоляю тебя, милосердная бодисатва, спаси меня, если можешь!

— Ты совершил слишком тяжкое преступление, — отвечала ему Гуаньинь, — и я боюсь освободить тебя, ведь ты снова можешь натворить всяких бед.

— Нет, я уже раскаялся, — сказал на это Великий Мудрец, — и надеюсь на твое милосердие. Единственное, чего я желаю сейчас, — это стать на путь Истины и всего себя посвятить делам милосердия. Об этом поистине можно сказать:

Если сердце человека

Мысль великую рождает,

То вселенная об этом,

Без сомнения, узнает.

Если зло с добром смешавшись,

Возмещения не имели,

Это значит, что корыстны,

Что не чисты были цели.

Бодисатва осталась очень довольна ответом Великого Мудреца и сказала ему:

— В священном писании говорится: «Добрые слова находят сочувствие за тысячу ли, дурные слова встречают отпор за тысячу ли». Если у тебя действительно добрые намерения, то обожди, пока я побываю в Китае, в земле Танов, и найду паломника. Я постараюсь, чтобы он освободил тебя. Ты станешь его учеником, примешь постриг и сможешь вступить на путь Истины. Что ты на это скажешь?

— Я всем сердцем готов так поступить! — воскликнул Великий Мудрец.

— Если ты действительно хочешь принять постриг, то мне остается лишь дать тебе монашеское имя, — промолвила Гуаньинь.

— А оно уже есть у меня, — отвечал Великий Мудрец. — Имя мое Сунь У-кун, что значит — познание пустоты.

— Есть еще двое, выразившие желание принять постриг, в их монашеские имена тоже входит иероглиф «у» — познание. Ну что ж, значит, имена у вас совпадают, это очень хорошо. А теперь мне нечего больше делать здесь, и я отправлюсь дальше.

Так Великий Мудрец показал, что он всеми своими помыслами готов встать на путь Будды, а бодисатва, не забывая о своей цели, отправилась на поиски преподобного монаха.

Покинув гору, бодисатва и Хуэй-ань отправились дальше на восток и вскоре достигли города Чанъяня в царстве Танов. Спустившись на землю, наши путники приняли вид оборванных странствующих монахов и вошли в город. Наступил уже вечер. Бродя по улицам, путники

увидели храм Бога города и вошли в него. Появление бодисатвы, которую, несмотря на превращение, можно было узнать, привело в страх и трепет местного бога и богов — хранителей храма, и все они почтительно склонились перед богиней.

Местный бог немедленно оповестил все остальные храмы и кумирни города о прибытии бодисатвы, и вскоре в храм Бога города собрались духи и божества всех городских кумирен, чтобы приветствовать бодисатву и принести ей свои извинения за то, что они не вышли встретить ее.

— О моем появлении никто не должен знать, — сказала им Гуаньинь. — Прибыла же я сюда по поручению Будды. Мне нужно найти паломника, который доставил бы священные книги из Индии в Китай. Я хотела бы остановиться на несколько дней в одном из ваших храмов, а как только найду нужного мне человека, тотчас же отправлюсь в обратный путь.

Выслушав бодисатву, все божества вернулись по своим местам, а бодисатва со своим учеником остались в кумирне Бога города под видом простых монахов.

О том же, кто согласился отправиться в Индию за священными книгами, вы узнаете, прочитав следующую главу.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/286393>